

УДК 81'42

КОНТИНУУМ ТЕКСТА И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ¹**И. И. Чумак-Жунь***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
chumak@bsu.edu.ru*

В статье основным предметом рассмотрения являются пространственно-временные отношения, характерные для моделей (картин мира), воплощенных в поэтических текстах. Трансформируя континуум исходного текста с помощью интертекстуального феномена (прецедентной ситуации), поэт конструирует индивидуальную модель мира. Он выражает собственные пространственно-временные представления с помощью модели, известной получателю.

Ключевые слова: поэтический текст, интертекстуальность, прецедентная ситуация, континуум текста.

Исследование текстовой категории интертекстуальности является одним из новых направлений лингвистики текста. В современных лингвистических работах интертекстуальность определяется в качестве категории текста как элемента культуры (Ю. М. Лотман, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин, Н. А. Фатеева и др.). Наблюдающееся усиление интереса к изучению интертекстуальных связей не случайно, оно имеет глубокие корни и обусловлено современной тенденцией к осмыслению текстовых ценностей прежних эпох. Определим интертекстуальность как такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам, причем не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно понимает авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Специального исследования требует вопрос об интертекстуальности в поэтическом дискурсе.

«Теснота стихового ряда» поэтического текста позволяет наиболее отчетливо определить те приращения смысла, которые возникают в его семантическом пространстве под влиянием «чужого текста». По словам Н. А. Кузьминой, «цитация в художественном тексте определяется прежде всего стихотворной или прозаической природой произведения. Персонажная структура прозы, возможность персонифицировать различные смысловые позиции, передав их разным действующим лицам, многообразие форм диалогичности (прямая, несобственно-прямая речь, свободный косвенный дискурс) – все это оттесняет литературную цитату на периферию выразительных средств художественного прозаического текста. Иначе обстоит дело в поэзии, цель которой – ввести традицию как компонент современной поэтической системы. Именно в поэзии, особенно в так называемой чистой лирике, литературная цитата, явная или скрытая, оказывается наиболее ярким, семантически и энергетически емким интертекстуальным знаком» [1, с. 5]. Именно ограниченность стихового пространства текста и его семантическая глубина позволяют проследить особенности взаимодействия текстов в пределах поэтического дискурса, т.е. механизмы интертекстуальности.

Ученые-лингвисты высказывают предположение, что определенные мотивы, образы и т.п., наиболее существенные в художественном мире того или иного автора, приобретают «потенциал цитатности», который может быть реализован в том случае, если этот мотив, образ и т. д. будет востребован другим автором в другом тексте именно как элемент своего прежнего контекста: «первое объяснение феномену цитации можно предложить, исходя из представления о существовании в поэтическом языке “слов-тем” (Б. Томашевский), “поэтических формул” (А. Веселовский), которые в течение известного времени вызывают известные группы образных ассоциаций и которые,

¹Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ БелГУ № 633662011.

по мнению Веселовского, являются “нервными узлами” текста» [2, с. 58]. Иначе говоря, чем более художественно значим, уникален, характерен тот или иной структурный элемент текста, тем более вероятно, что он может в дальнейшем использоваться как цитата из этого текста. Поэтика реминисценций предполагает «внимание к опорным ассоциативным точкам» – носителям принципиально важных для данного текста тем и образов.

Интертекстуальность можно рассматривать: 1) в семантическом плане – как способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. Такими ссылками, в первую очередь, являются интертекстуальные фигуры (прецедентные феномены), включенные (в той или иной форме) в поэтический текст: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация. 2) В когнитивном аспекте интертекстуальность представляется отдельной проблемой. Процесс выявления новой, в том числе поэтической, информации в тексте происходит на основе литературной (поэтической) компетенции получателя текста, то есть знания им определенных конвенциональных программ. Появление интертекстуальных фигур расширяет горизонт семантического ожидания получателя, так как предсказуемость определяется как текстом-реципиентом, непосредственно воспринимаемым читателем, так и текстом-источником, на который указывают интертекстуальные фигуры. По словам Ю. М. Лотмана, «текст в тексте» это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Интертекстуальность рассматривается также 3) с референциальной точки зрения: при восприятии интертекстуальных фигур актуализируется так или иначе весь текст-реципиент, то есть приводится в состояние готовности для использования в дискурсе. Соответственно этим трем аспектам можно исследовать наиболее выразительные, с нашей точки зрения, явления интертекстуальности: прецедентные ситуации, которые позволяют проследить формирование категории интертекстуальности в семантическом пространстве текста. Эти же прецедентные феномены соотносят текст-реципиент с текстом-источником (референциальный аспект). Рассмотрим эти подходы к интертекстуальности на примере конкретных поэтических текстов.

Потенциально интертекстуальность существует вне текста, в сознании носителя языка, однако актуализируется опорным текстовым метакомпонентом.

Метакомпонент представляет собой семиотический способ введения внетекстовой основы, при котором обращение к оригиналу опосредовано намеком, отсылкой, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты. Внетекстовую основу любого типа принято называть прецедентным феноменом. Прецедентные феномены, среди которых выделяются прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя [3], активно функционируют в поэтическом тексте, но при этом прецедентное высказывание и прецедентное имя выступают как вербальные феномены, а прецедентный текст и прецедентная ситуация – как поддающиеся вербализации (пересказ, рассказ).

Особое место в поэтическом дискурсе занимает прецедентная ситуация. В отличие от прецедентного имени (вербального феномена) прецедентная ситуация является феноменом вербализуемым – она разворачивается в тексте. Прецедентная ситуация – именно тот прецедентный феномен, который позволяет отчетливо увидеть, как действует механизм интертекстуальности в дискурсивном пространстве поэтического текста.

Термин «ситуация» обладает большим количеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике. В частности, активно изучается внешняя коммуникативная ситуация, связанная с речевым поведением коммуникантов – поэта и читателя.

С нашей точки зрения, при интертекстуальном исследовании поэтического текста интерес представляет не столько конкретная ситуация функционирования текста (речевая/коммуникативная ситуация), сколько текстовая, референтная ситуация – не-

кий фрагмент мира, о котором дает представление дискурс, «отраженный в высказывании отрезок действительности» [3, с. 359]. Следует уточнить, что в данном случае мы понимаем под ситуацией некий фрагмент действительности, который дает представление об определенном событии, действии.

Прецедентная ситуация, как феномен вербализуемый, представлена в тексте-реципиенте в виде интертекстуальной макропропозиции [4]. Как всякая пропозиция, она является элементарным высказыванием, связывающим имя предмета номинации с предикатом. Субъект высказывания намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанта смысла (что мы, собственно, хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Исходная макропропозиция является инвариантом относительно различных форм макропропозиций, репрезентирующих одну и ту же ситуацию в других единицах интертекста. Интертекстуальные макропропозиции, представляющие в разных текстах одну прецедентную ситуацию, находятся в парадигматических отношениях.

В тексте-реципиенте интертекстуальная макропропозиция – реализация исходной макропропозиции – включается в тему – часть, известную получателю, но она не играет роли простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, а становится фактором самовозрастания смысла текста, поэтому ремой является не только весь остальной текст стихотворения, но и целостный смысл поэтического текста. Модели прецедентных ситуаций, реализованные в текстах-реципиентах в виде семантических текстовых макропропозиций, формируют не только текстовую категорию интертекстуальности, но и непосредственно участвуют в формировании других важнейших категорий текста (целостности, связности, хронотопа, антропоцентричности).

Так как ситуация, в нашем понимании, – некий фрагмент действительности, который дает представление об определенном событии, действии, то неизменными чертами любой ситуации (в том числе прецедентной) являются пространственные (фрагмент действительности локализуется в пространстве) и временные (событие протекает во времени) характеристики.

В данной работе основным предметом рассмотрения являются пространственно-временные отношения, характерные для моделей (картин мира), воплощенных в художественных текстах, включающих интертекстуальный феномен (прецедентную ситуацию).

В связи с двойственным характером референции интертекста можно говорить о двояком «хронотопическом» подходе к рассмотрению прецедентного феномена в поэтическом тексте: в сопоставлении с континуумом исходного текста и по отношению к континууму текста-реципиента. Если в хронотопе текста-реципиента прецедентный феномен играет решающую текстообразующую роль – особым образом организует его пространственно-временную картину, то при сопоставлении с исходным текстом речь может идти о форме хронотопической реализации (об особенностях трансформированности континуума исходного текста). Трансформируя континуум исходного текста, поэт конструирует индивидуальную модель мира, выражая собственные пространственно-временные представления с помощью модели, известной получателю.

Прецедентная ситуация в сознании читателя нередко связана не только с конкретной локализацией действия во времени и пространстве, но и с широким культурно-историческим контекстом. Поэтому можно говорить не только о **конкретном текстовом хронотопе** (определим его как *интертекстуальный локус*), но и о **хронотопе широком, «затекстовом»** – *интертекстуальном топосе*, которые возникают в сознании получателя благодаря фоновым знаниям. Необходимо уточнить, что обычно под локусом и топосом понимают соответственно более узкое и более широкое художественное пространство, но известно, что в литературе время – категория поэтики художественного пространства, поэтому мы посчитали возможным называть топосом и локусом темпорально-локальные объекты.

Способы выражения и соотношение интертекстуальных локуса и топоса в поэтическом тексте могут быть различны. Иллюстрируем это конкретными поэтическими текстами.

На соотношении хронотопа, заданного интертекстуальной пропозицией, и глобального затекстового хронотопа (интертекстуальных топоса и локуса) основан континуум стихотворения Б. Пастернака «Дурные дни».

Б. Пастернак
ДУРНЫЕ ДНИ

*Когда на последней неделе
Входил он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за ним.*

*А дни все грозней и суровей.
Любовью не тронуть сердце.
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.*

*Свинцовою тяжестью всею
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед ним, как лиса.*

*И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.*

*Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.*

*И полз шепоток по соседству
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет и детство
Уже вспоминались, как сон.*

*Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.*

*И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол.
И море, которым в тумане
Он к лодке, как по суху, шел.*

*И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...*

1949

В интертекстуальную макропропозицию первой строфы стихотворения, художественное пространство которой очень точно соответствует пространственной картине библейской прецедентной ситуации *вход Христа в Иерусалим* (ср.: *Когда <...> Входил он в Иерусалим, Осанны навстречу гремели, Бежали с ветвями за ним. – На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что Христос идет в Иерусалим, Взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! – От Иоанна 12: 12 – 13*), включается временной локализатор *на последней неделе*, которому нет соответствия в исходной макропропозиции, но есть – в других местах Библии (*Когда на последней неделе Входил он в Иерусалим – Когда же приближались дни взятия Его от мира, он восхотел идти в Иерусалим – От Луки 9: 51 и т. д.*). Интертекстуальный локус эксплицирован пространственным (*входил он в Иерусалим*) и временным (*на последней неделе*) локализаторами. Именно они, наряду с отрицательно коннотированным заглавием стихотворения (*Дурные дни*) ограничивают предполагаемый хронотоп стихотворения последних недель жизни Христа. В семантическом пространстве последующих строф стихотворения функционирует множество лексем, включающих указание на ограниченное время (*дни, послесловье, конец, ожиданье развязки*) и пространство (*Свинцовою тяжестью всею Легли на дворы небеса, Толпа на соседнем участке Выглядывала из ворот, Толклись <...> И тыкались взад и вперед*). Но эта же интертекстуальная макропропозиция предполагает рассмотрение авторского текста на фоне более широкого литературного контекста – на фоне хронотопа Библии. Читательское восприятие настраивается нужным образом, чтобы интерпретировать текст согласно законам той художественной системы, к которой он апеллирует. Поэтому восприятие дальнейшего текста, насыщенного пропозициями, выражающими прецедентные ситуации, связанными с текстом Библии, с описанием деяний Христа (*бегство в Египет, соблазн сатаной, брачный пир в Кане, хождение по водам, чудо воскрешения из мертвых*) вполне подготовлено для читателя. Синтагма *со многих сторон* переводит интертекстуальное пространство из ограниченного локуса в топос Библии, эксплицированный множеством лексем с семантикой очень большого (необъятного? неограниченного?) пространства (*детство, пустыня, всемирная держава, море, туман*): *И бегство в Египет и детство; Припомнился скат величавый В пустыне, и та крутизна, С которой всемирной державой Его соблазнял сатана; И море, которым в тумане Он к лодке, как по суху, шел*. В последней строфе оппозиция замкнутого и разомкнутого хронотопа достигает кульминации: с одной стороны, «предельная замкнутость» пространства лачуги, подвала, с другой стороны, выход из нее в бессмертие как вершину временной (да, пожалуй, и пространственной) бесконечности: *И сборище бедных в лачуге, И спуск со свечою в подвал, Где вдруг она гасла в испуге, Когда воскрешенный вставал...* В последнем четверостишье в сознании читателя актуализируются несколько временных планов одновременно: в настоящем герой представляет себе описываемую картину, в прошлом совершает чудо, воскрешая умершего, в будущем это же чудо – воскрешение – произойдет с ним.

В проанализированном стихотворении интертекстуальный локус включается в интертекстуальный топос. Но не во всех поэтических текстах интертекстуальный локус относится к топосу как часть к целому: иногда прецедентная ситуация намеренно переносится автором в другой пространственно-временной отрезок. Это всегда мотивировано художественным замыслом и передается определенными языковыми средствами. Сравним два текста, в одном из которых локус включается в топос, а во втором – из него «изымается».

В двух одноименных стихотворениях («Магдалина II» Б. Пастернака и «Магдалина I» М. Цветаевой) модель одной и той же прецедентной ситуации (*Магдалина берет ноги Христу*) реализуется в сходных интертекстуальных макропропозициях (ср.: у Цветаевой *Пеню уст и накупями Очес и потом всех Нег ... В волоса заматываю Но-*

ги твои, как в мех – у Пастернака Ноги я твои в подол уперла, Их слезами облила, Исус, Ниткой бус их обмотала с горла, В волосы зарыла, как в бурнус), но разное соотношение интертекстуальных топоса и локуса в текстах способствует выражению разного концептуального содержания стихотворений. Приведем эти стихотворения полностью.

М. Цветаева
МАГДАЛИНА

1
Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отщатывает,
Ты мне – чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась, – светла
Мась! – очесами демонскими
Таясь, лила б масла –

И на ноги бы, и под ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!

Пеною уст и накипями
Очес и потом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26августа1923

Б. Пастернак
МАГДАЛИНА

II
У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

*Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.*

*Ноги я твои в подол уперла,
Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.*

*Будущее вижу так подробно.
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.*

*Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.*

*Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.*

*Брошусь на землю у ног распятъя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.*

*Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько души и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?*

*Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.*

1949

Если в стихотворении Пастернака интертекстуальные топос и локус совпадают и вполне соответствуют континууму исходного текста (Ср.: *У людей пред праздником уборка. В стороне от этой толчеи Обмываю миром из ведерка Я стопы пречистые твои. – За шесть дней до Пасхи пришел Исус в Вифанию <...> Там приготовили ему вечерю <...> Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Исуса и отерла волосами своими ноги Его – От Иоанна, 12: 1*), то в тексте Цветаевой они сознательно разведены, что выражается изменением модусного значения, детерминированного условным наклоном глаголов: *Во времена евангельские Была б одной из тех <...> К тебе б со всеми немощами Влеклась, стлалась, <...> лила б масла –И на ноги бы, и под ноги бы, И вовсе бы так, в пески...* Такое соотношение топоса и локуса выводит библейский сюжет за пределы библейского хронотопа и элиминирует из сознания получателя затекстовое пространство. Хронотоп, в

который перенесена прецедентная ситуация, не определен. Остается только вневременной диалог *Я (Магдалина) – Ты (Христос)*, в котором «точка отсчета» задана текстово (сильная позиция заглавия стихотворения, перволичный дейксис) – это Магдалина, с ее страстями и мыслями. Эта заданность распространяется и на два других стихотворения цветаевского цикла.

Напротив, модель прецедентной ситуации в стихотворении Пастернака вызывает в сознании получателя затекстовое пространство Библии с ее главным героем и подготавливает дальнейшее обращение к образу Христа, его страданиям и смерти, создавая, как это характерно для творчества Б. Пастернака, в образе Христа образ страдающей человечности.

Магдалина Цветаевой – вечная Женщина, «исструившаяся» для Мужчины, которую мы должны разгадать, Магдалина Пастернака – библейская Магдалина, через которую мы должны разгадать Христа.

Интересно сопоставить высказывания, которые подтверждают наши наблюдения о центральных образах каждого из стихотворений. В черновой тетради Цветаевой: «Магдалина, когда раскаялась, была хороша и молода. Когда мы говорим: Магдалина, мы видим ее рыжие волосы над молодыми слезами <...> Мария Магдалина принесла в дар Христу свою молодость, со всем, что в ней бьющегося, льющегося, рвущегося». По воспоминаниям литературоведа и переводчика Н. Н. Вильяма-Вильмонта, Б. Пастернак еще в 20 годы задумывал поэтические «Рассказы о господе Боге», посвященные Иисусу Христу, «его легендарной бытующей среди людских поколений вот уже девятнадцать с лишним веков истинно показательной биографии» [6, с. 119].

Таким образом, мы рассмотрели несколько поэтических текстов, пространственно-временная модель в которых организована с помощью использования прецедентных феноменов (прецедентных ситуаций). Текстовые категории связности и цельности в этих текстах в немалой степени определяются категорией интертекстуальности, именно эта категория усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает связь с культурным фоном. Именно прецедентная ситуация, с одной стороны, является моделью, по которой строится поэтический текст, а, с другой стороны, позволяет выразить поэтический взгляд на мир.

Список литературы

1. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург, Омск: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 268 с.
2. Козицкая Е. А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – 140 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности. – М.: Гнозис, 1999.
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация //Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 350 – 372.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
6. Вильмонт Н. Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. – М.: Сов. писатель, 1989. – 222 с.

CONTINUUM OF TEXT AND PRECEDENT SITUATION

I. I. Chumak-Zhun

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chumak@bsu.edu.ru*

The article considers the space-time relations, characteristic of the models (pictures of the world) embodied in the poetic texts. Transforming the continuum source by means of intertextual phenomenon (precedent situation), poets construct individual models of the world. They express their own space-time representation by using a model known to the recipient.

Key words: poetic text, intertextuality, precedent situation, continuum of text.